

Николай Козловский

11 класс, школа им. А.М. Горчакова, Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Двенадцать» (Новая сцена Александринского театра)

Черный вечер, ЧЕРНЫЙ снег, ветер, ветер!

Спектакль «Двенадцать» на Новой сцене Александринского театра – спектакль-эксперимент. С самого начала режиссер Антон Оконешников удивляет и интригует зрителя. При входе в полутемный зал замечаешь поставленные друг напротив друга четыре экрана. Кто с них смотрит на тебя? – Ты! «Бог, ты мой! Что это? Как это?» – недоумевает зритель и вдруг видит в середине зала оператора. «Ну, попал!» Надо бы поскорее найти свое место и «спрятаться», однако не все так просто: стулья расставлены не в ряд, а разделены на четыре секции, каждая напротив одного из экранов. «Вот это да!». Шокированный ждешь начала спектакля: то ли еще будет.

Выходят актеры – все в черных рубашках и штанах, садятся за спинами зрителей. Ничего не понятно. Остаются трое, каждый рассказывает по одной интересной истории из своей жизни. Не буду их пересказывать. Боюсь испортить вам впечатление, если вы вдруг решите сходить на этот спектакль. Скажу только, что один рассказ о сломанной руке, другой – о вынужденной хитрости, третий – о весельчаке-старике. Сразу надо отметить, что такое вступление мне показалось неоправданным и выбивающимся из общей концепции постановки. Почему режиссер вставил эти истории, так и осталось для меня секретом. Может, чтобы поближе познакомить нас с актерами, потому что их лиц на протяжении всего спектакля мы почти не увидим. Они выступают единой массой.

Вступление закончилось, пора переходить к самой поэме! И тут новая неожиданность. Гаснет свет, зрительный зал погружается в темноту, слышно завывание ветра. Страшно, неудобно, однако одновременно и весело!

Внезапно возникает острое желание похулиганить – все равно никто тебя не видит. Мне кажется, благодаря такому сценическому ходу, режиссер отлично передает атмосферу Петрограда 1917 года. Страх, холод, темнота и в то же время раздолье, веселье, безнаказанность – делай, что хочешь, все равно никто не узнает, никто не остановит.

Прошла минута, две. Актеры за спинами зрителей зашевелились. Раздаются смешки, протяжные вздохи, причмокивание. Один тихим зловещим шепотом начинает: «Черный вечер. // Белый снег. // Ветер, ветер!». Другие ему весело вторят. Раздаются пощелкивания, хлопки. Что-то цыганское есть в этих звуках, залихватское. Эй, гуляй, Россия!

Актеры начинают читать отрывок про старушку, которая убивается, что потратили такой огромный кусок материи на плакат. В голосах нет сочувствия – наоборот, какие-то издевательские нотки. Нет у этих людей ничего святого. Их взгляд на мир прост: «Что тужить? Дайте хлеба, да и все! Считаете, что мы жестокие и безнравственные? Нет, в нас кипит святая злорада, долго вы веселились, пора и нам повеселиться!» Заканчивается первая глава общим громогласным выкриком: «Товарищ! Гляди в оба!» Неожиданно становится светлее, включаются экраны, а на них как будто в старой кинохронике написано «Глава 2».

Разгульно-кабацкая атмосфера поддерживается на протяжении всего спектакля. То актеры, стоя в ряд, засунув руки в карманы, будто готовые плюнуть в лицо зрителю, мерно пошаркивают на месте и ногой отбивают ритм. То периодически неприятно посмеиваются над пошлой шуткой. В какой-то момент просто становится невыносимо. Хватит, надоели эти мерзкие рожи с хитрой, омерзительной улыбкой, прекратите эти похабные смешки! Остановитесь!

Атмосфера разврата, пошлости и нравственного падения иногда перебивается эпическими вставками. Герои проникновенно, с капелькой грусти и пафосом в голосе цитируют всем хорошо известные, ничего не значащие фразы: «В Красной армии служить – буйну голову сложить», «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем» и т.д.

Наиболее красноречиво о реальной сущности двенадцати говорится, как мне кажется, в седьмой главе, где Петька вроде бы и пытается раскаяться, но его дружки только потешаются, да ругают за малодушие. Может, поэтому Петька, убив человека, не только не ужаснулся содеянному, но решил еще и позабавиться.

Маленькое отступление, для того чтобы рассказать еще о двух приемах, использованных в постановке.

Во-первых, режиссер снова возвращается к жанру истории, актер Дмитрий Бутеев, играющий роль Петьки, вспоминает, как он в десять лет стал свидетелем гибели ребенка под колесами грузовика. В конце рассказа актер делает такой вывод: мы – песчинки в этом мире, винтики в механизме истории. Будь он на месте ребенка, ничего бы не изменилось, Александринский театр продолжал бы свою работу, жизнь шла бы своим чередом. Кто-то умирает, кто-то живет, но колесо истории продолжает мерно и бесповоротно крутиться. Эта идея с моей точки зрения, вписывается в общий смысл спектакля, потому что идет она как раз после смерти Кати, понятна логическая связь – там вышел из строя винтик (умер ребенок) и здесь (погибла Катя), однако в обоих случаях ход истории не изменился.

Во-вторых, в спектакле представлена необычная работа с камерой. Многие реплики говорятся прямо в нее (мы видим актера на экране, а не на сцене). С одной стороны, выглядит это оригинально, и актеры, благодаря спецэффектам, создают зловещие, пугающие образы. С другой стороны, мне как зрителю не хватило общения с актерами, хочется, чтобы герой установил контакт с нами, а не с камерой, находящейся у нас за спиной. ь

Вернемся к поэме. Приближается финальная 12 глава, где появляется Иисус Христос. Было очень интересно, как режиссер поставит эту последнюю сцену. Будет ли Иисус вести за собой красногвардейцев, показывая путь в светлое будущее? Или, наоборот, выступит в роли справедливого возмездия за все те грехи, убийства, которые совершили двенадцать, строя новую жизнь. Увы! На экран были просто выведены последние строки главы. Ответа не последовало.

В самом конце двенадцать устало, нехотя плетутся по кругу, вяло выкрикивая «Революционный держите шаг!». Революционный порыв стих, наступило разочарование и сожаление. И только один из них, все так же четко, уверенно марширует впереди, обгоняя и обгоняя своих товарищей. Но сможет ли он легко пройти все трудности, пойдут ли за ним товарищи, настанет ли оно – счастливое будущее?.. Ответа не последовало.

Подытожим. Оригинальность и необычность подхода – использование камер, вовлечение зрителя в процесс самого создания представления – подкупают. Качественная работа над пластикой и над голосом (четкие движения, необычные, затягивающие, мелодичные звуки и интонации), использование удачных спецэффектов (экраны, абсолютная темнота, стилизация под старые кинохроники) отнесу к несомненным удачам постановки. Чего не хватило, так это контакта с самими актерами, все они составляли почти безликую массу, актер больше обращался к камере, чем к зрителю.

Поначалу среди недостатков хотелось отметить еще недосказанность финала, потому что режиссер так и не дал прямых ответов на два важнейших вопроса всего произведения (Получится ли у двенадцати построить светлое будущее? Оправдывает ли автор поэмы действия героев или осуждает?). Однако, подумав, я решил, что режиссер и не должен открыто предъявлять все идеи и смыслы своей постановки. Скорее, его задача, как и автора поэмы, обозначить основные проблемные вопросы и подтолкнуть к размышлению. Дальше – работа зрителя-читателя.